

Она сделала карьеру в рекламном бизнесе. Дослужилась до заместителя директора фирмы. Написала и защитила диссертацию.

Трижды влюблялась, один раз собралась замуж и даже единожды была беременна — впрочем, не вполне удачно...

Однако ее размеренная добропорядочная жизнь на поверку скрывала нечто совсем иное...

ГЛАВА 1

Москва, осень 1999 года

Почтальонша выглядела обиженной. На ее лице читалось: «Уже десять, а ты все дрыхнешь». Таня в наско-ро накинутах махровом халатике быстро расписалась за телеграмму и захлопнула дверь. Прямо в коридоре она прочла текст:

«Москва, Металлургическая, 13-5-13. Садовниковой Татьяне. Русский парень крепчает».

«Что за бред? Я еще сплю? Или это чьи-то идиотские шутки?» — подумала Таня и перечитала сообщение: «Русский парень крепчает». Подписи нет.

Она задумчиво прошла на кухню и включила чайник. Без чашки доброго кофе тут не разберешься.

На работе Татьяна появилась в начале первого. Ей, начальнику креативного отдела в рекламном агентстве «Ясперс и Бразерс», позволялось иметь свободный график. Тем более что накануне она торчала в офисе почти до полуночи. Таня машинально здоровалась с коллегами и отвечала на их приветствия, а из головы все не выходила дурацкая телеграмма. Какая сволочь решила так пошутить?

Работы было немного: закончить пару текстов, а также написать бриф — то есть рекомендации — по созданию нового ролика. Татьяна честно пыталась «отдаться креативу», как выражались по подобному поводу ее коллеги, однако слова выходили корявыми и неживыми. Вдохновение сегодня не являлось — оттого Садовникова имела вид одновременно рассеянный и строгий.

Коллеги косились в ее сторону. Все прекрасно знали, что у незамужней, молодой и красивой Татьяны масса поклонников. «Дела сердешные!» — читалось на лицах сотрудников «Ясперса и Бразерса» с тем или иным выражением — от понимания до сарказма.

В шесть вечера Таня решительно поднялась: «Всем пока. Срочное дело». К семи, по вечерним пробкам, она вернулась домой. Заскочила на минуту в квартиру и снова отправилась в центр. Сделав дело, заехала поужинать в «Пиццу-хат» на Кутузовском. Равнодушно вращая вилкой в салате с рукколой, она думала: «Какая же я идиотка! Такую глупость сотворить!»

На следующий день в офисе все стояли на ушах. Не успела Татьяна войти, как к ней бросился взлохмаченный арт-директор:

— Радио слушала?

Таня только покачала головой. Она недавно поставила в своего верного «пежика» сиди-чейнджер и теперь вдохновенно чередовала Моцарта, «Судьбу воров-

скую», пинкфлойдовскую «Стену» или «Песню про зайцев».

— Не слушаю я радио. А что?

— Да ты, Садовникова, и телевизор не смотришь, и газет не читаешь!.. И знать, видать, не знаешь, что бакс рухнул!

— Рухнул? С какого этажа?

— С небоскреба! Вчера курс был двадцать один, а сегодня — одиннадцать!

У Тани округлились глаза. Вот это попадание!

— Вернусь через час! — оповестила она.

Младший персонал, а также волонтерки, которым приходилось отсиживать в офисе от звонка до звонка, надули губки.

Вчера вечером на все свои накопления — хранившиеся, разумеется, в долларах — Татьяна накупила рублей. Сегодня днем на русскую валюту закупила резко подешевевшую американскую.

Русский парень, конечно, окреп — но она не сомневалась, что это временно.

На следующий вечер Татьяна ужинала в «Замке Мефисто» с Леней Кругловым. Леонид Леонидович был председателем правления одного из крупнейших российских банков, сорокалетним холостяком и бывшим Таниным поклонником. Они расстались год назад — не сошлись во взглядах на Танину карьеру. Леонид тогда позвал ее замуж, и она даже приняла в подарок двухкаратный бриллиант, однако свадьба расстроилась. Слава богу, Леня еще до ответственного мероприятия открыл карты:

— Эх, скоро буду женатым! Вечером с работы приходишь — пахнет пирогами. Красота!

Таня не умела печь пироги. И не хотела учиться. А больше всего ее не прельщало прибегать с работы часов в семь-восемь и вместо дел и вечерних развлечений

стоять у плиты. В общем, она вернула Лене его два карата и пообещала вечную дружбу.

Друг Леонид не подвел. По первому зову он согласился встретиться с Татьяной.

За ужином они болтали о пустяках. Леня жаловался на своих меркантильных подружек. Таня рассказывала о своей карьере в агентстве. И только за десертом — жареными ананасами — она спросила о главном:

— Слушай, а ты знал, что должно было случиться с курсом?

Он хохотнул:

— На то я и ведущий банкир страны! Пять «лимонов», между прочим, срубил! — И внимательно посмотрел на Таню: — А ты что, тоже знала?

— Да. И срубила, извини за масштаб, пять тысяч.

Спутник вылупился на нее.

— Но информация была под строжайшим секретом! Об этом два-три человека в Центробанке знали... Ну, еще парочка в президентской администрации...

— Ты же знал?

— *Я* — обязан был! Но — *ты*?! Откуда?! Как ты-то могла об этом пронюхать?

Леня возмущался и удивлялся настолько искренне, что Таня снова задумалась. Допустим, он умелый актер... Только зачем ему нужно играть — *сейчас*? Почему бы не признаться: «Это я тебя разыграл, хотел проверить твою сообразительность. Сообразила — молодец, будешь теперь моей должницей»?.. Она была уверена, что телеграмма — дело рук Ленки, но почему он продолжает играть в кошки-мышки?

Прошла неделя. Дурацких телеграмм больше не приходило. Выигранные на разнице курса пять тысяч долларов Татьяна с пользой потратила, съездив на выходные в Лондон и прикупив себе в «Харродсе» кучу шмоток на начавшихся распродажах.

Жизнь проходила в трудах и поклонниках. Редкое свободное время она коротала дома в душистой ванне в обнимку с каким-нибудь милым женским романом. В агентстве прошло сокращение. Талантливой Татьяны Садовниковой оно не коснулось. Наоборот, ей прибавили зарплату. Следовало гордиться, но гордости не было. Честно признаться, она порядком устала от придуманных ею «уникальных торговых предложений», «новинок» и «сумасшедших скидок». И даже когда по телевизору крутили созданные лично ею ролики, она нетерпеливо переключала программу. Тане было скучно...

Однажды часов в восемь вечера Татьяна отдала в печать макет. Его пообещали вывести через часик. Нужно было дожждаться. От нечего делать она заглянула в свой личный почтовый ящик. Давненько не просматривала частную электронную почту — все дела, дела... Среди посланий от зарубежных друзей и кокетливых записочек от поклонников выделялось очень странное письмо:

Sadovnikova@yahoo.com.

G-W-T-W

PB 74

1011-18-7

547-15-9.

Дурацкий спам? И ящик отправителя какой-то незнакомый! Однако в графе «предмет» ясно значит: «Для Татьяны Садовниковой; предостережение».

У Тани аж в голове помутилось — опять какая-то загадка! Шифровка, блин! И что с ней делать? Не звонить же по друзьям и знакомым с вопросом: «Это ты мне прислал по мейлу какую-то фигню?» Ясно, что никто не признается. Или признается, чтобы был повод пригласить ее в ресторан. Нет, придется думать самой. Что это?

Пин-код к чьей-то кредитной карте?

Шифр к банковскому счету? Но к чьему?

Номера телефонов? Она набрала 101-11-87. Ей ответили: «Набранный вами номер не существует...» А вторая строка — она вообще шестизначная! В каких городах шестизначные номера?

Татьяна дождалась, пока ей распечатают макет, быстро его просмотрела, подписала и отправилась домой.

Ловко лавируя в плотных рядах машин, она бормотала себе под нос:

«Г... ВТВ... ПБ... 74... Сущий бред!»

Дома она наскоро перекусила и нашла в залежах книг «Век криминалистики». До рези в глазах изучала главу о различных шифрах и пыталась прочесть послание. Без толку.

Без двадцати час она без сил опустилась в теплую ванну с морской солью.

И, только намокнув, вспомнила, что не взяла с собой в заплыв «Век криминалистики». Не вылезать же, не идти за ним! Придется читать, что есть. Она наполовину высунулась из воды и провела ладонью по полу. В ванной всегда валялись три-четыре книги и пара журналов, которые она любила просматривать, нежась в пене. С первой попытки Таня нащупала свою любимую «Унесенные ветром» и открыла главу, где Рэтт Батлер наконец-то делает Скарлетт официальное предложение.

Эх, черт, ясно, что все вранье, но до чего же приятно, когда мужики вообще подобные слова говорят! И язык какой чудный... (Таня, выпускница университета, предпочитала читать литературу на языке оригинала.) Отмокая в ласковой ванне, она в очередной раз перечитала о медовом месяце Скарлетт и со вздохом отложила книгу. Надо быстренько мыться и баиньки. Она уже почти зашвырнула «Унесенных ветром» обрат-

но под ванну... и остановилась. Унесенные ветром, или... Или *Gone with the wind!* А если прочитать как акростих, по заглавным буквам? Получается — G-W-T-W! Первая строка в шифровке!.. Вот это да!

А что тогда означает строка вторая — РВ 74? Точно, выходные данные. Pan Books. 1974 год выпуска. Выходные данные *ее книги*.

Той, что валяется у нее в ванной.

От радости, что разгадала загадку, Татьяна хлопнула кулаком по прозрачной воде. Взметнулся фонтан брызг, затопив обложку «Унесенных ветром». Таню переполняла энергия.

Сейчас она расшифрует остальное.

Ряд цифр разбит на три колонки. Что это может быть? Точно, страница, строка, слово. И ничего больше — элементарная логика подсказывает.

Татьяна лихорадочно открыла 1011-ю страницу. Так, 18-я строка, 7-е слово... *Tomorrow*. То бишь завтра. А второе — *Jail*. Тюрьма. Таня разочарованно погрузилась в успевшую остыть воду. Что за чушь! При чем здесь тюрьма? Она, слава богу, законов не нарушает. И даже налоги честно платит — хотя в нашем государстве и не стоило бы.

Назавтра была пятница. Короткий день, а вечером они с бойфрендом Максом собирались на вечеринку в Барвиху. Приятель Макса, молодой российский миллионер, директор крупной компьютерной фирмы, завел у себя в особняке настоящий винный погреб и периодически приглашал друзей отведать то новые сорта вин, то какие-то супервыдержанные коньяки. В эту пятницу был черед новозеландских красных. Таня, которая не любила крепких напитков, с удовольствием предвкушала коллекционные вина, элегантный особняк в сосновом лесу и веселый вечер в компании при-

ятных, не обремененных заботами о хлебе насущном людей. Макс позвонил в четыре:

— У тебя все в порядке? Заеду в шесть.

И тут она выпалила:

— Макс... извини. У меня изменились планы.

Сидя в одиночестве дома перед телевизором — это в пятничный-то вечер! — она кляла себя на чем свет стоит. Идиотка, дура! Кукуешь одна, как сычиха или старая дева! Как назло, по «ящику» шли репортажи из ночных клубов или фильмы, герои которых расслаблялись в шикарных ресторанах. А Таня в линялых домашних джинсах без аппетита жевала невкусную перемороженную пиццу...

В половине двенадцатого начался «Дорожный патруль».

— Сейчас мы вам покажем уникальный сюжет с места событий! — радостно сообщил ведущий.

Камера заскользила по верхушкам сосен, пропрыгала по фасаду особняка, задержалась на невключенном фонтане... Таня, кажется, узнала это место.

— Сегодня московским ОМОНОм была проведена операция по захвату крупнейшей за последнее время партии наркотиков... Смертельное зелье хранилось в особняке стоимостью девятьсот восемьдесят тысяч долларов.

Камера показала унылый ряд людей, стоявших, раздвинув ноги, лицом к стене. Татьяна узнала любимый зеленый свитер своего приятеля Макса...

В субботу Таня позвонила Геннадию Яковлевичу по прозвищу Полковник. С Полковником она познакомилась в самолете, летевшем в Москву из Парижа. Геннадий Яковлевич, статный мужчина с благородной сединой, казался тогда очарованным своей молодой и умной попугачицей.

Всю дорогу они обсуждали особенности француз-

ского языка и обменивались невинными комплиментами. Геннадий Яковлевич («Можно просто Гена») с восторгом узнал, что Татьяна приложила руку к половине рекламных видеороликов, которые крутят по телевизору.

А о своей работе он говорил скупой: «Я, Танечка, обычный офицер. Забочусь о нашей с вами безопасности...» При этом скромный служака летел, как и Татьяна, первым классом, угощал ее изысканными напитками, которые не входили в бесплатный набор, и обнаружил удивительную компетентность во французской грамматике.

Загадочный офицер оставил Тане только номер своего пейджера. Без особой надежды она сообщила оператору:

— Это девушка из самолета Париж—Москва. Прошу о срочной встрече.

Геннадий перезвонил мгновенно...

Они гуляли по парку. Подростки, рассеявшиеся по лавочкам, с завистью поглядывали на седовласого «деда», который вел под руку белокурую красотку.

— Почему вы обо мне вспомнили? — невинно поинтересовался Геннадий.

Татьяна вздохнула:

— Надоело с детьми общаться... Захотелось солидности, глубины мыслей... Французской грамматики.

Они перешли на французский. Вспоминали Париж — об этом городе хорошо говорить на языке гордых галлов.

Иллюминация в честь взятия Бастилии. Продуманная сказка Диснейленда... Внезапно Татьяна спросила:

— Он что, дурак — хранить наркотики дома?

Геннадий столь же быстро ответил:

— Такого человека, как хозяин миллионного особняка, трудно заподозрить.

И снова перевел разговор на парижские кафе с игривыми официантами. Заговорил о толпах шумных негров в магазинах «Тати» — как отличается там обстановка от «Галери Лафайет», не говоря уже о «Шанели» или «Луи Вьюитонне»...

Как будто и не было их короткого диалога об особняке, наркотиках... Лишь изредка Геннадий внимательно, изучающе вглядывался в Татьяну.

...Гаишники учудили: извольте, видите ли, поменять права! А то с 2000 года начнем штрафовать. Татьяна ненавидела бумажную волокиту и потому тянула до последнего. Кому охота ехать за справками по разным дурдомам, потом торчать в поликлинике и сидеть в бесконечной очереди в МРЭО? Однако на работе повесили объявление:

«Вниманию тех, кто до сих пор не поменял права!!! Организован обмен в ГАИ только для сотрудников агентства и членов их семей! При себе иметь медицинскую справку».

Таня решила не упускать такую возможность — при организованном обмене в ГАИ хоть очередей не будет — и со вздохом принялась делать справку. Она взяла отгул, с утра сгоняла в дурдом и наркологический диспансер, а после обеда отправилась на медицинскую комиссию. С нее взяли двести рублей и отправили по врачам: «Пройдете без очереди!»

Однако толпы бабулек, ждущих у кабинетов, упорно не желали пропускать молодую нахалку.

— У нас тоже комиссия! ВТЭК! А врач скоро заканчивает!

Татьяна решила не спорить со старичками и устроилась в уголке ждать своей очереди. Книги у нее с собой не было, и она лениво посматривала в мутное зимнее окно. Ей было скучно.

Не здесь, в поликлинике, а просто скучно. При всей внешней прекрасности высокооплачиваемой престиж-

ной работы. При том, что у нее были собственные квартира и машина. И — красота. И — свобода.

Однако жизнь ее была, увы, предсказуема. Через пару лет назначат генеральным менеджером. Потом — замом директора. Все больше денег, и все больше нервов. Бесконечные «уникальные торговые предложения». А по вечерам — все более дорогие рестораны со все более пожилыми поклонниками... Эх, да что об этом думать! Таня обвела взглядом унылый коридор поликлиники с грустными бабушками на банкетках. Бабушки оживленно ругали Ельцина.

На подоконнике чахли цветы. Пробегали замученные медсестры. Смотреть не на что.

Ее внимание привлек листок ярко-синей бумаги, который лежал рядом с цветочным горшком. Она протянула руку, взяла его... Обычный лист стандартного формата А4. Но вот странность — он был синим с обеих сторон. Ярко-синим. Как небо в свежий июньский день. А на одной из сторон чернел отпечатанный на принтере текст:

ТС!

Внутри такой же, как снаружи.

Таня огляделась — за ней никто не наблюдал — и сунула листок в карман.

Она возвращалась из поликлиники довольная — получила-таки справку! — и заинтригованная. Таня не сомневалась, что синий листок — это новая загадка, которую ей предстоит решить. После всего с ней происшедшего глупо даже думать иначе.

Девушка еще раз рассмотрела синий листочек.

Во-первых, ТС — явное обращение к ней. ТС — Татьяна Садовникова. Тут и к гадалке не ходи.

Но что значит «*внутри такой же, как снаружи*»?

Может, имеется в виду сам листок? И он *внутри себя* содержит — *так же, как и снаружи*, — некую важную информацию?

Таня ненадолго задержалась в гараже и отлила в одну бутылку немного электролита, а в другую — бензина.

Пора вспомнить школьные уроки химии!

Дома Татьяна первым делом включила газ и встала над конфоркой, держа в руках синий листок. Бумага быстро нагрелась — однако симпатические чернила на ней не проступили. «Ладно, графа Монте-Кристо из меня не вышло», — не расстроилась Таня. Весь вечер она погружала листок то в разбавленный электролит, то в бензин, то в уксус и до последнего надеялась, что произойдет химическая реакция и на бумаге появятся буквы. Однако ничего не происходило. Листок промок, съежился и по-прежнему не желал выдавать никакой информации.

«Может, никаких сведений *внутри* листка и нет? Может, подразумевается нечто другое?» — терзала себя Таня.

Должно что-то быть. Хорошо, допустим, не текст. Не содержание. Тогда что? Имеется в виду форма?

Что может быть внутри такое же, как снаружи? Татьяна заглянула в одежный и книжный шкафы, покопалась в буфете. Ничего необычного. Может быть, цвет? Синий чайник в белый горошек. Ваза для цветов из синего стекла. Одежда? Татьяна ринулась к гардеробу. Эта кофточка? Нет, она скорей сиреневая.

Джинсы? Голубые. А вот пиджак, который она купила в Праге, — действительно синий. Синий, как небо в июньский день. Таня стряхнула пиджак с плечиков, проверила карманы — пятирублевая монетка и обертка от жвачки. А под подкладкой?

Она быстро нащупала что-то твердое и безжалостно рванула хрупкую ткань. Ей в руки прыгнуло изумительной красоты кольцо из белого золота.

В изящной оправе сиял голубой топаз.

ГЛАВА 2

Он же, топаз, сиял у Садовниковой на пальце, когда она субботней ночью возвращалась домой. На работу Таня камень надевать не рискнула. Начнутся расспросы или как минимум ехидные взгляды.

Совсем другое дело отчим — ветеран разведки Валерий Петрович Ходасевич. От него у Тани секретов не было. Ну, или почти не было.

Вот и в ту субботу, отправившись к отчиму в гости, она топаз надела. Накормив падчерицу до отвала разными вкусностями собственного приготовления — фетуччини с морепродуктами, шарлотка, капучино, — Ходасевич спросил:

— Камушек поклонник подарил?

— Ты не согласишься, Валерочка, нашла.

— На улице?

— Нет! За подкладкой собственного пиджака.

И она поведала полковнику все то странное, что творилось с нею в последние недели, — и про телеграмму, намекавшую на обрушение курса, и про мэйл, упреждающий об арестах, и про синий листок в поликлинике.

Валерий Петрович закурил свой любимый болгарский «Опал». Наполнил малогабаритную кухню вонючим дымом. Молвил:

— Странная история... — Спросил: — У кого-нибудь имеются ключи от твоей квартиры?

— Нет. Мама не в счет. В смысле, жена твоя бывшая — Юлия Николаевна.

— А у твоего — как это говорится по-современному — бойфренда?

— Валерочка, нет у меня настолько близких бойфрендов, чтобы им ключи от квартиры давать.

— Какой у тебя на входной двери замок?

— Обычный. Английский. И дверь не железная. Давненько же ты у меня в гостях не был!

— Не приглашаешь.

— Твою тушу попробуй из дому вытащи!

— Какую там тушу!.. Всего-то шесть пудов... Ну, ладно, к делу. Замок на двери обязательно смени. Завтра же.

— Ты думаешь, у меня в квартире кто-то шарит?

— А как иначе объяснить появление топаза под подкладкой? И то, что в послании по электронной почте ссылались не просто на «Унесенных ветром», а именно на то издание, что валяется у тебя в ванной?

— Да, Валерочка, ты прав, как всегда. А как растолкуешь телеграмму, в которой выдавалась страшная банковская тайна?

— Понятия не имею. Но буду думать. А может, даже наведу кое-какие справки... Хотя, скорее всего, Танюшка, разгадка окажется до отвращения проста.

— Например?

— Например, какой-то твой тайный поклонник — информированный и богатый — эдаким замысловатым образом хочет, чтобы ты обратила на него свое благосклонное внимание. Он же знает, что ты в душе авантюристка, обожаешь все таинственное и загадочное, — поэтому цепляет тебя красивыми историями в духе Дюма-отца. А потом, в один прекрасный момент, он выйдет из тени и заявит: «Привет тебе, дорогая Таня, от телеграфиста с синим листочком! Как, и вправду покрепчал русский парень?..»

— Ду-умаешь?.. — с сомнением и разочарованием протянула Таня.

...То был один из немногих случаев, когда отчим в своих догадках оказался не прав.

А может, он просто хотел успокоить падчерицу?..

...Итак, поздним вечером в субботу Таня возвраща-

лась от Валерия Петровича, проживающего в Останкине, к себе домой в Новогиреево. Верный «пежик» — новенький «Пежо-106» — пел на высоких оборотах. Недавно реконструированная пятиполосная МКАД послушно стелилась под колеса. Машин было мало, «пежик» выжимал сто сорок, фонари так и мелькали обочь.

Через полчаса Таня уже свернула на шоссе Энтузиастов. Скоро она будет дома.

Однако на одной из глухих улочек Новогиреева ее остановил гаишный патруль.

Таня сквозь зубы выругалась: «Нет от вас покоя!»

Выходить из машины не стала: ночь, безлюдье, мало ли что у патрульных на уме. Дождалась, пока мент ленивой походкой дошкандыбает к ней. Открыла боковое стекло, протянула сержанту документы. Тот острым глазом осмотрел девушку, затем глянул на права и попросил (именно попросил, очень вежливо!):

— Татьяна Валерьевна, откройте, пожалуйста, багажник.

— Хотите на запаску посмотреть? Так она у меня не в багажнике, а висит под днищем.

Однако гаишник не принял ее шутливого тона. Повторил, уже строго:

— Багажник откройте.

Чертыхнувшись про себя, Таня вылезла из салона и подошла к багажнику. Тут и второй мент рядом откуда ни возьмись появился — в большем чине, чем первый, — кажется, даже майор. Садовникова распахнула багажник:

— Вот, полюбуйтесь. Огнетушитель, знак аварийной остановки, аптечка.

Однако... Помимо привычного барахла, за год успевшего скопиться в «пежике», в неверном свете лампочки, освещавшем багажный отсек, виднелось нечто,

никогда не виданное Татьяной: небольшой черный полиэтиленовый пакет, перемотанный скотчем.

Второй милиционер — тот, что в немалом чине, — указал на него.

— Что это такое?

— Понятия не имею... — пробормотала Таня. — В первый раз вижу... Это не мое...

— Значит, не ваше, — хмыкнул он и обратился к напарнику: — Будем оформлять.

А дальше все завертелось — потрясенная Таня даже не успевала следить за событиями. Рядом появился мужик в кожанке, по виду — еще один мент. Возникли откуда-то и двое гражданских — муж и жена средних лет. Они опасливо поглядывали на Таню и внутрь багажника.

— Внимание, понятые, — произнес, обращаясь к ним, майор. — Производится выемка наркотического средства.

Он надел перчатки и достал из багажника сверток. Затем, держа его в руках, взрезал ножом. Из пакета высыпалась толика белого порошка. Мент сунул в порошок мизинец. Лизнул его. Удовлетворенно произнес:

— Героин. — И добавил, взвесив сверток на ладони: — Явно — особо крупный размер. Готовим протокол изъятия и задержания.

И тут же третий мент — тот, что в штатском, — схватил Таню за руки, завернул их за спину — и не успела она даже охнуть, как на ее запястьях защелкнулись наручники.

* * *

Ошеломленная Таня не могла понять, что происходит. Все, что она сумела, — это выкрикнуть:

— Сверток не мой! Мне его подбросили!

— Все так говорят, — удовлетворенно молвил майор

и, больно схватив девушку за локоть, препроводил ее к патрульной машине.

Затем, толкнув за шею, усадил Садовникову на заднее сиденье милицейского «Форда». Там помещался второй штатский, на которого она чуть не упала. Штатский подвинулся и даже помог ей усесться.

А еще через минуту рядом с нею плюхнулся мент в кожаной куртке. Сержант уселся за руль, и авто сорвалось с места.

Таня заплакала.

* * *

Она не различала дороги, не видела, куда ее привезли.

Когда Таню вывели из «Форда», она сообразила, что ее доставили в отделение милиции. Несмотря на поздний вечер, жизнь здесь кипела. Дежурный за стеклянной перегородкой что-то на повышенных тонах втолковывал просителю. За железной решеткой «обезьянника» сидело несколько человек, и оттуда раздавались нестройные вопли. Прошли двое постовых в сдвинутых на затылок фуражках и с автоматами в руках.

Двое ментов в штатском, арестовавших ее, повлекли Таню по лестнице. Сержант — тот, что сидел за рулем, — куда-то делся. Никто из встречающих не обращал на девушку в наручниках никакого внимания.

Путь их окончился на втором этаже.

Первый мужик в кожанке втолкнул Таню в кабинет, где стояло несколько столов.

— Расстегни ее, Ефимов, — сказал второй, — да усади.

Второй разомкнул наручники за спиной Тани — они успели ужасно натереть запястья, — однако тут же нацепил их спереди. Так было лучше, но ненадолго.

Второй вывалил на канцелярский стол содержимое ее сумочки: паспорт, мобильник, бумажник, косметика...

— Вы не имеете права... — прошептала Таня.

Не обращая на нее ни малейшего внимания, двое в штатском принялись устраиваться в комнате. Они сняли куртки — под ними у обоих оказались кобуры с пистолетами.

— Поставь, что ли, чайку, Ефимов, — молвил первый.

Он, очевидно, был у них за старшего. К нему и обратилась Таня:

— Я имею право позвонить!

«Сейчас звякну Валерочке, — подумала она, — и он быстро во всем разберется!»

— Ишь ты, — заметил второй, по фамилии Ефимов, обращаясь к напарнику, — позвонить ей надо. Фильмов американских насмотрелась.

— Ты еще адвоката потребуй, — лениво заметил первый.

Он перебрал содержимое Таниной сумки, полистал ее записную книжку. Видимо, ничего интересного для себя не нашел, сгреб все вещи со стола обратно в ее «Праду». Потом отомкнул старинный сейф и бросил сумку туда.

— Я требую адвоката, — упрямо сказала Татьяна, чем вызвала гомерический хохот обоих ментов.

— Насмешила, блин, — проговорил Ефимов. Бранное слово в его устах прозвучало обыденно, словно и не ругательство вовсе.

— Значитца, так, — молвил сидящий за столом первый, главный (подделывался, подонок, под Высоцкого — Жеглова). Он свирепо посмотрел прямо в глаза Тане. — Ты, Садовникова, задержана за хранение наркотических средств в особо крупных размерах. И отсюда тебе светит по статье двести двадцать восьмой УК

семь лет особого режима. Усвоила? Семь лет! Твою оставшуюся, блин, молодость ты проведешь где-нибудь в Чите, где тебя, такую красивую, будут по очереди иметь вохра и местные коблы. И выйдешь ты оттуда — если, конечно, выйдешь — без зубов, вся в морщинах и с открытой формой туберкулеза. Поняла?!

Таня смотрела на него глазами, полными слез.

Мент по фамилии Ефимов в это время как ни в чем не бывало налил в фарфоровые кружки чаю себе и напарнику. Потом примостился где-то за спиной Татьяны — так, что та его не видела.

Главный, сидя за столом, продолжил, взглядом крокодила впиваясь в зрачки девушки:

— Однако если ты, Садовникова, сейчас нам расскажешь — по-хорошему расскажешь! — кто тебе передал данный сверток и для кого он предназначался, я тебе тут же оформлю явку с повинной. Сегодня же уйдешь домой под подписку. И получишь потом, может, пару лет условно. А может, и замнем твое дело для ясности. Я тебе обещаю.

— Я ничего не знаю.

— Не серди меня, а лучше давай колись. У тебя одна попытка и тридцать секунд на размышление. Как в игре «Что? Где? Когда?». Поняла?

Татьяна не ответила, и мент продолжал разглагольствовать:

— Ну, ответ на вопрос «что?» мы знаем: героин в особо крупных размерах. А тебе надо рассказать: «Где?» и «Когда?» Где получила? Когда получила? А самое главное: «Кто?» Кто наркотик передал, для кого он предназначался... Итак, Садовникова, у тебя есть шанс схватить суперприз. Время пошло!

И он вправду нажал на секундомер на своих наручных часах. Потом потянулся, снял с себя кобуру с пистолетом и лениво бросил на стол.

Таня молчала.

Часы мента издали противный писк.

— Время! — юродствуя, проговорил допросчик.

— Я ничего не знаю, — прошептала Таня. — Я правда ничего не знаю. Я никогда не видела этого пакета. Мне его подбросили. Я клянусь вам!

— Ответ неверный, — лениво сказал допрашивающий, скрестив руки на груди. — Суперприз отправляется в город Задрюпинск. А игрок Татьяна Садовникова лишается своего последнего шанса — явки с повинной.

— Это какая-то ошибка! — отчаянно выкрикнула Таня.

Главарь кивнул партнеру.

Таня не видела, что тот делал за ее спиной, но через мгновение он набросил ей что-то на голову и сдал у шеи... Кажется, то был полиэтиленовый пакет... Таня не могла защититься — руки были скованы наручниками. Она попыталась вырваться, однако мент крепко держал ее за плечи. Через полминуты она стала задыхаться. Воздуха не хватало. Она сделала жадный вдох, но в легкие не поступило ни глотка кислорода. Ею овладела дикая паника. Она еще раз дернулась, пытаясь высвободиться, однако стальные руки сволочи Ефимова крепко держали ее. Перед глазами полетели черные мушки. Она почувствовала, что теряет сознание.

И в этот момент мент содрал с ее головы пакет. Татьяна, захлебываясь, вдохнула воздух и сползла со стула на пол.

Она сидела на полу и жадно дышала. Мент-дознатель из-за стола с любопытством естествоиспытателя, словно на насекомое, смотрел на нее.

«Они меня тут уморят, — мелькнула у Тани паническая мысль. — Я не выйду отсюда!»

— Ну, ты встанешь, Садовникова? — глумливо

спросил милиционер, сидящий за столом. — Или мне прилечь рядом?

Татьяна с трудом поднялась на ноги, а потом, опустив голову, выдавила из себя:

— Я скажу все.

В голове у нее мелькнуло: «Я им не Зоя Космодемьянская. Я признаюсь, в чем они хотят, даже в том, что рыла тоннель от Багдада до Парижа».

— Ну, вот и чудненько, — сказал первый мент и почесался.

Таня рухнула на стул.

— Развяжите мне руки, — попросила она. — И дайте карандаш и бумагу. Я все напишу.

Менты переглянулись.

— Сними с нее «браслеты», Ефимов, — скомандовал сидящий за столом. — И дай ей ручку и бланк.

Второй подступил к Тане, достал ключик и расстегнул наручники. Она стала массировать руки, чтобы к ним скорее прилила кровь и вернулась чувствительность.

Ефимов присел за пустой стол сбоку, наклонился, залез в ящик и стал рыться в нем.

Главный мент, ухмыляясь, качался на стуле, заложив руки за голову. Перед ним стояла кружка дымящегося чая и лежала кобура с пистолетом.

«Боже, как же я вас ненавижу!» — мелькнуло у Тани.

И в следующий миг, подчиняясь не сигналам мозга, а какой-то звериной интуиции, она шагнула к столу, схватила кружку с чаем — и выплеснула обжигающую жидкость прямо в лицо менту!

«Господи, что я делаю!» — успела подумать она, и это была ее последняя связная мысль, потому что ошпаренный мент заорал во всю глотку: «У-у-у!.. Тварь!..» — а Ефимов вынырнул из своего ящика — на его лице было написано детское недоумение.

— Стоять!! — заорал он и полез в кобуру за пистолетом.

Выхватить он его успел, но вот прицелиться в Татьяну — нет. Потому что она тоже не теряла ни секунды. Вытащила из валявшейся на столе кобуры «макаров», сняла оружие с предохранителя — и выстрелила в Ефимова.

Тот рухнул на пол.

Услышав звук выстрела, ошпаренный дознаватель сполз со своего стула под стол и прикрыл голову руками.

Татьяна на секунду замерла, не зная, что делать дальше. Потом бросилась к окну.

Кабинет располагался на втором этаже. Окно, слава богу, оказалось без решеток. В метре под ним находился козырек над входом в здание. Внизу — небольшой и пустой, слава богу, двор. За ним — бетонные стены высотой в два роста. А потом — распахнутые ворота, перекрытые шлагбаумом.

Ситуацию Таня успела оценить за долю секунды. Сзади нее было тихо. Видимо, один милиционер был убит. Второй — обожжен, а главное, испуган.

Девушка ударила в стекло рукояткой пистолета. Полетели осколки. Натянув на кисть куртку, Таня выбила остатки стекла.

Затем вылезла на подоконник и, не раздумывая, соскочила на козырек.

Сделала по нему три шага и тут же спрыгнула вниз, на землю.

Удар получился мощный — по сути, она летела со второго этажа, — однако не сильнее, чем когда она совершала свои первые прыжки на «дубе»¹. Таня даже не

¹ Д у б — на жаргоне парашютистов так называется парашют Д15У, вес которого составляет около 18 кг.

упала. Она лишь присела, самортизировала удар, а потом бросилась в открытые ворота.

На бегу недоуменно посмотрела на «макаров» в своей правой руке и отшвырнула его в темный угол двора ментовки.

Сзади все было тихо.

В воротах ей повстречался огромный бритый мент с «калашниковым» на плече. Он шел навстречу и скользнул по ней взглядом. Таня прошла мимо, не глядя на него. Мент с автоматом ее не остановил.

И уже когда вышла из ворот, откуда-то сзади и сверху — наверное, из окна — раздался вопль:

— Стой! Стой, стрелять буду! Держи ее!

Татьяна бросилась бежать со всех ног.

Улица оказалась пустынной — да, собственно, и не улица это была, а какие-то промышленные задворки Москвы. Напротив — проходная предприятия, закрытого по случаю глубокой ночи.

Вправо вела дорога, на которой стояло несколько припаркованных милицейских и гражданских машин.

Налево — стройка, огороженная бетонным забором. Рядом со стройкой — множество гаражных боксов.

За гаражами виднелась березовая роща, непонятно зачем забредшая в город.

Не рассуждая, почему именно туда, Садовникова бросилась налево, к стройке и гаражам. Слава богу, одета она была не по-офисному, а в любимые джинсы и «скетчерсы».

Таня летела со всех ног.

А сзади раздался возглас — уже не из здания, а с улицы:

— Стой!

Потом еще один:

— Стой, стрелять буду!

Забор стройки был совсем рядом. Стройка и гаражи. Там, казалось Садовниковой, — спасение.

Сзади прогремел одиночный выстрел. Она мчалась. Затем прозвучала автоматная очередь: та-та-та-та!

Татьяна прямо-таки физически почувствовала, как пули пролетели чуть выше ее головы. Она увидела, как они вонзились в бетонное ограждение стройки.

Но рядом уже были благословенные гаражи, и Таня метнулась налево, в никем не охраняемый проход между ними.

Она выбежала из зоны обстрела.

Проезд, по которому она неслась, был освещен двумя яркими фонарями. Здесь Таня как на ладони. Однако, чтобы стрелять, ментам еще надо добежать до гаражей.

Дорожка венчалась новой бетонной стеной. До нее было совсем недалеко — метров пятьдесят. Примерно столько же, как от ментовки до начала гаражей. Теперь все зависело от того, кто добежит раньше: она до стены или менты с автоматами до начала проезда. Таня летела во весь дух.

Вот она уже у стены. Стена высокая, метра два, однако, слава богу, у ее основания валяется ржавый скелет «Жигулей».

Единым махом Таня взлетела на него. Схватила за верх стены. Подтянулась на руках, перебросила через ограду ногу.

И в этот момент сзади, уже без всякого предупреждения, снова протатакала автоматная очередь.

Не глядя, что там внизу, только понимая, что впереди спасительная темнота, девушка свалилась со стены.

Ее встретили относительно ровная земля и кустарник. Таня снова удержалась на ногах — только какая-то ветка больно хлестнула ей по руке.

Впереди была березовая рощица. Здесь оказалось

темно, только стволы деревьев мерцали белым. Сразу за рощицей высились громады многоэтажных домов. В каждом светилось лишь одно-два окошка.

Татьяна понеслась через рощу к домам. Она ожидала, что вслед ей вот-вот снова ударят выстрелы, и это придавало сил. Дыхание срывалось, воздуху не хватало, ноги словно налились свинцом, но Таня понимала, что ставка в забеге — ее собственная жизнь. И потому бежала что было мочи.

Ноги чавкали по осенней грязище. По лицу хлестнула ветка. Однако сзади — не стреляли.

Таня добежала до края рощи.

Здесь начинались тротуары, вдоль них — семнадцатизэтажные дома. Впереди виднелась улица: фонари и лениво проскользнувший по дороге отблеск фар.

Преодолевая страх, Таня обернулась. За березовой рощицей, за белыми стволами хорошо видна была серая стена, ограждавшая гаражи. Однако на ее фоне не виднелось ни единого силуэта.

И никто не бежал через рощу. И никто не стрелял вслед. Все было удивительно тихо. Неужели погоня отстала?

Таня перешла на шаг. Она тяжело дышала. Ноги, казалось, одеревенели.

В какой-то миг в ней волной пронеслось ликование: «Спасена!» Но тут же явилась другая, здравая и больше похожая на правду мысль: «Менты просто отравились в обход. Они не побежали за мной. Они вообще не любят бегать. Сели на машины и решили зайти со стороны домов. У них есть преимущество: колеса. И они знают этот район как свои пять пальцев. А я не была здесь никогда в жизни. Поэтому надо что-то придумать...»

Странно, что после стольких испытаний у нее сохранилась способность рассуждать здраво. Но голова и

правда оставалась, на удивление, ясной и трезвой. Еще бы — Таня боролась за свою собственную жизнь.

«Что делать? Забежать в подъезд? Но там стальные двери, замки и консьержи. И потом: подъезд — это ловушка. У него только один вход. Чердаки после недавних терактов закрыты. Нет, подъезды отпадают...»

Татьяна быстро, но стараясь не выглядеть торопливой, шла вдоль домов. У подъездов дремали припаркованные автомобили. На улице ни души. Москвичи мирно спят. Жители, похоже, даже не обратили внимания на выстрелы, доносившиеся из-за рощицы. Решили, наверно: подростки петарды взрывают.

На ходу успокаивая дыхание, Таня скинула с себя легкий пуховик. Вывернула его наизнанку. Надела снова. И так, раньше она была в светло-голубом. Теперь — в темно-зеленом. Может быть, это собьет преследователей с толку.

Ноги сами несли Таню в сторону улицы. Чутье подсказывало: ей надо как можно скорее убираться из этого района. Но как? Поздняя ночь, автобусы не ходят. Угнать машину? Вон их сколько вокруг, припаркованных: от старых «Москвичей» до свеженьких иномарок. Однако она не имела ни малейшего понятия о том, как угоняют автомобили. Это только в голливудских фильмах легко. В Америке ключи вообще бросают в зажигании. А у нас немедленно включится сигнализация, и хозяин выскочит из подъезда с бейсбольной битой...

Оставалось одно: поймать тачку. У нее ни денег, ни документов, но она подумает об этом позже. Сейчас главное — поскорее сматываться отсюда.

Таня вышла на глухую, озаренную редкими фонарями улицу. Ни единой машины ни в одном направлении. Вокруг только дома, дома, дома... В каждом — всего по паре светящихся окон. Судя по тому, как их

немного — часы у Тани тоже отобрали, — сейчас часа три-четыре ночи. Самое глухое время.

И вдруг... Далеко, в перспективе улицы, показалась машина. Но совсем не такая, как нужна была Садовниковой. Ровным счетом — наоборот. Милицейская «раковая шейка» с включенной «люстрой» (однако без sireны) черепашьям шагом ползла вдоль тротуара.

Татьяна метнулась и спряталась за рекламный щит. Единственное на обочине чрезвычайно ненадежное убежище. В мозгу лихорадочно пролетело: «Что делать? Опять бежать? Но *они* заметят, обязательно заметят — бегущий человек всегда привлекает внимание...»

И тут, как спасение, с противоположной стороны улицы, из дворов, вырулила черная иномарка. Не спеша поехала в сторону Тани.

Девушка выступила из-за рекламного щита. Она рисковала, что менты в патрульной машине ее заметят. Но что делать? У нее оставался единственный шанс: вот этот проезжавший мимо черный лимузин.

Таня сделала небрежный знак рукой. Не замахала отчаянно. Не бросилась под колеса. Она интуитивно понимала: тут как в жизни. Будешь проявлять излишнее нетерпение или явно вызывать, *насколько тебе это нужно*, — скорее всего пролетишь. Получишь шиш с маслом. А хватит силы воли оставаться небрежной и демонстрировать, что *не очень-то и хотелось*, — на тебя могут обратить внимание.

Метод сработал. Иномарка остановилась. За тонированными стеклами не видно, кто в ней сидит. Пассажирская дверца открылась. И Таня, словно в омут, бросилась туда, в спасительное нутро автомобиля.

Она знала: никогда нельзя садиться в попутку, пока наверняка или почти наверняка не убедишься, что ее шофер относительно безопасен. Пока не увидишь, что в ней, кроме водителя, нет иных пассажиров. Однако

сейчас у Татьяны просто не было выбора. Она кинулась в иномарку, не глядя, словно в такси где-нибудь на улицах Парижа. Что бы ни ждало ее внутри — оставаться на улице было во сто крат хуже.

В машине оказалось не страшно.

За рулем сидел мужик. Выглядел он так, что мама, Юлия Николаевна, вполне могла бы назвать его «интеллигентным». На заднем сиденье — никого.

— Поехали! — скомандовала (именно скомандовала!) Таня.

Мужик послушно включил передачу и спросил:

— Куда?

Таня автоматически назвала свой адрес:

— На Металлургическую.

Водитель, не говоря ни слова, разогнал свой лимузин.

Они миновали встречную милицейскую машину. Таня вжалась в сиденье.

Слава богу, из ментовской тачки никто не выскочил, «раковая шейка» не развернулась, не начала преследование.

Они не заметили. Они просто не заметили. Ни девушку на обочине, ни то, как она садилась в иномарку.

Таня перевела дух.

Она искоса глянула на водителя: хорошо одет, причем в деловом стиле: белая рубашка, галстук, ворот расстегнут. Пиджак висит на плечиках за шоферским креслом. Спокойное, волевое лицо. Достаточно молод: лет тридцати пяти.

В машине тепло, пахнет мужским парфюмом и, кажется, даже кофе. Негромко наигрывает джаз.

— За вами кто-то гонится? — вдруг спросил шофер участливо.

Таня не стала отвечать вопросом на вопрос: с чего вы, мол, взяли? Глупо оправдываться. Даже беглого

взгляда со стороны достаточно, чтобы понять: с ней что-то не в порядке. Ее ботинки в грязи, лицо расцарапано. Ладони перепачканы побелкой (видимо, вляпалась, когда перемахивала через стену гаражей). Общий вид — явно встрепанный. Да и дыхание до сих пор полностью не восстановилось.

Садовникова решила не врать водителю. Ну, или *почти* не врать. И твердо сказала:

— Да, за мной гнались. — А потом добавила: — Подонки какие-то, пацаны, привязались. Четверо. Еле от них убежала. Придурки.

— У вас на щеке кровь.

— Да?

Таня отогнула солнезащитный козырек. С его оборотной стороны — так же, как в ее любимом «пежке», — имелось зеркальце.

— Включите мне свет, — приказала Татьяна.

Она давно усвоила: мужики *обожают* приказной тон. Настолько измельчали, что почти все любят, когда ими командуют и помыкают. И этим почаще следует пользоваться. Тем более в экстремальной ситуации.

Вот и водитель беспрекословно включил лампочку на потолке салона.

Машина тем временем бесшумно скользила по пустынным столичным улицам.

Таня посмотрела на себя в зеркальце. Общий вид ей, против ожидания, понравился. Да, поперек щеки идет багровая полоска: ветка, сволочь, хлестнула. Волосы растрепаны. Однако на лице появился приятный румянец. И глаза горят — давно замечено: выброс адреналина оказывает благотворное влияние на ее организм.

Таня поправила волосы. Пуховик задрался, обнажая ее запястья. Она увидела, что на них до сих пор заметны следы от наручников. Она машинально натянула на

кисти рукава пуховика. Искося глянула на водителя: тот, кажется, ничего не заметил. Смотрел на дорогу, чему-то улыбался.

«У меня нет денег, — подумала Таня, — но такого водилу, *интеллигентного*, я сумею уболтать. Еще за счастье почтет, что меня бесплатно довез».

Впервые за всю дорогу она пристально посмотрела в окно — и узнала местность, где они ехали.

Машина миновала путепровод близ железнодорожной станции Новогиреево и приближалась к кинотеатру «Киргизия». Скоро им поворачивать с проспекта налево. Водитель, наверно, хорошо знал Москву, коль не переспросил, как доехать до малоизвестной улицы Металлургической.

Десять минут назад, садясь в машину и скрываясь от погони, она назвала свой адрес машинально, а теперь задумалась. Нет, домой ей нельзя. Никак нельзя.

В руках у ментов остался ее паспорт, а там черным по белому прописка. Дома ее, сто пудов, уже будет ждать засада. Или они явятся за ней через полчаса после возвращения.

На Таню вдруг волной накатила паника. Что она натворила?! Она убила — или тяжело ранила — милиционера. Менты убийство своих не прощают. Никакой Валерочка не сможет ее отмазать. И дело не только в том, что ей светят долгие годы в тюремной камере. Главное, говорят, что в подобных случаях доблестная милиция при задержании не церемонится, стреляет на поражение. Что же ей делать? Решим потом. Но домой ей никак нельзя.

И она сказала водителю:

— Я передумала. Отвезите меня, пожалуйста, в район ВДНХ. На Сельскохозяйственную улицу.

Может, Валера предоставит ей убежище? И, главное, с ним можно будет обсудить, что же ей делать дальше. И он чем-то поможет.

Шофер ухмыльнулся:

— Да вы и сами не знаете, чего хотите.

— А женщины вообще очень противоречивые создания, — рассмеялась Таня.

— Почему меняем маршрут?

— У меня на Металлургической бойфренд, — на ходу соврала Татьяна. — Мы с ним поругались. Неохота к нему возвращаться.

— А на Сельскохозяйственной — еще один бойфренд?

— За кого вы меня принимаете?! У меня там родители.

— А вы уверены, что вам надо сейчас ехать к родителям?

Ни в чем она не была уверена.

А ведь менты вполне могут успеть. Ее может ждать засада и у квартиры Валеры. Их родственная связь вычисляется на раз.

Если не прямо сейчас, то чуть позже — например, утром — к Ходасевичу тоже *придут*.

Может быть, отправиться к маме? Тоже не годится, тоже все просчитывается мгновенно. Да и мама станет задавать кучу всяких вопросов — на которые, видит бог, Татьяне совершенно не хочется отвечать.

Тогда куда? К кому-то из друзей?

Может быть, к Димочке Полуянову? Он, конечно, приютит и поможет — да ведь и этот ее *контакт* легко вычислить...

А может, постучаться в какую-то женскую обитель? Говорят, в монастырях принимают всех страждущих, и денег не берут, и документов не спрашивают...

— Значит, вы не уверены, что вам надо на Сельскохозяйственную, — утвердительно подытожил незнакомец.

— Не уверена, — честно призналась Татьяна.

— Тогда, может быть, поедem в какой-нибудь

клуб? — предложил шофер, и в его глазах впервые сверкнула искорка *мужского интереса*. — Поедим, потанцуем?

— Боюсь, что я сейчас не в лучшей форме для танцев, — покачала головой Татьяна.

— Тогда все то же самое — еду и танцы — можно организовать у меня дома.

Водитель словно невзначай, переключая передачу, коснулся Таниной коленки. Она отодвинулась.

Машина свернула на шоссе Энтузиастов и понеслась по направлению к центру города.

В принципе обрести убежище в квартире незнакомца было бы наилучшим вариантом. Однако за сию услугу придется *расплачиваться*. А Таня никогда, никому и ни за что не платила собственным телом. И сейчас не собиралась этого делать. Даже в такой пиковой ситуации.

Словно услышав ее мысли, водитель произнес:

— Я ни на что не стану претендовать. По крайней мере, сегодня, в первый же вечер. Я знаю, что у вас, у девушек, есть правило *третьего дринка*...

— Что за правило? — переспросила Татьяна, хотя, конечно же, прекрасно его знала. Однако ей хотелось, чтобы ее нечаянный спутник побольше говорил. Тогда она сможет лучше понять его. А понять — значит наполовину победить.

— Ну, согласно данному правилу, девушка может отдаться мужчине только после третьей совместной выпивки. Тогда она вроде как уже узнает его получше. Чепуха, конечно, на постном масле. А если любовь накрыла в первый же вечер? Так сказать, нахлынула?

— В первый же вечер любовь нахлынуть не может, — убежденно сказала Садовникова. — На меня, во всяком случае.

— Хорошо, — мирно отвечал водитель. — Тогда мы просто поедем. А потом я постелю вам на дива-

не. Или, хотите, на диване лягу я, а вам предоставлю свою кровать.

«Врешь ведь, гад, — подумала Таня. — Обязательно станешь ко мне приставать...»

— Мы, кстати, так и не познакомились, — продолжал водитель. — А меня Володей зовут. Как Ленина, как крестителя Руси и нынешнего премьера. А вас, красивейшая незнакомка?

— Татьяна.

— Прекрасное имя. «Итак, она звалась Татьяной...» — приятным баритоном пропел мужик.

«Ну, да где наша не пропадала! — залихватски подумала Садовникова. — Раз я сегодня справилась с двумя извергами-ментами, неужели не разберусь с одним интеллигентным Володей?»

— Ладно, — сказала она. — Поедем к вам. Только с одним условием. Мы принимаем правило третьего дринка и спокойно ложимся спать в разных комнатах. Я ужасно устала, а уже скоро утро.

— Я не дотронусь до вас и пальцем! — с фальшивым энтузиазмом воскликнул Володя.

Он пришпорил своего железного коня, и иномарка понеслась по пустынному проспекту еще шибче.

ГЛАВА 3

Жилище Владимира находилось в Сокольниках. Совершенно незнакомый Тане район.

Они подъехали к одной из безликих башен. Вокруг, как по всей Москве в столь поздний или ранний час: темные окна, сонные авто, припаркованные у подъезда. Владимир остановил свою иномарку. Вышел, распахнул перед Татьяной пассажирскую дверцу и только